

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Народная культура и цивилизационная культура

*Вл. А. Луков**

Народная культура — совокупность исходных форм жизнедеятельности народа. К ним относятся: уклад повседневной жизни, мифология и ритуальные действия, традиции, ценности, идеалы, моральные нормы, отношение к детям, женщинам, старикам, героям, преступникам. Существенную часть народной культуры составляют исторические предания, народные формы искусства (устное народное творчество — фольклор, народная музыка и инструменты, народные танцы, народная живопись, костюмы, украшения, предметы быта, народная архитектура (изба, храм). В народную культуру входят и военные искусства. В народной культуре большое место занимает эмоциональный пласт: смеховая народная культура, праздники, торжественные и таинственные обряды, культура оплакивания, прощания, переживание несчастья.

Все эти элементы создают народную культурную идентичность, то, что издавна называется народным духом. С точки зрения тезаурусного подхода они в совокупности составляют единую тезаурусную конструкцию, которая входит в центр национального

культурного тезауруса. В цивилизованном обществе эта конструкция нередко находится в тени, даже оттесняется в сферу коллективного бессознательного, полуосознанного, фонового культурного материала.

Тезаурусный анализ мировой культуры показывает, что народная культура не везде находится на периферии современного культурного процесса. Она до сих пор играет решающую роль в детском мире — первичной социализации, которая опирается на сказки, народную мудрость (поговорки, пословицы), народные песни и танцы, наивное рисование, следование заповедям старших и т. д. Народная культура продолжает развиваться вдали от городов, в отдалении от влияния современной цивилизации. В преобразованном виде она обнаруживается в городском фольклоре, в различных маргинальных субкультурах. Нередко встречается государственная поддержка народной культуры, создание профессиональных коллективов, развивающих ее традиции.

Выделение народной культуры из общего культурного процесса связано с концептуальной деятельностью предромантиков и ро-

* Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (IAS). Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: lookoff@mail.ru

мантиков (Гердер, Шиллер, братья Гримм и др.). Выдающуюся роль в ее научном понимании сыграл отечественный фольклорист В. Я. Пропп, исследовавший русскую волшебную сказку и установивший основной способ отражения в ней действительности — сохранение в символических образах сведений не о конкретном историческом событии, а о целых исторических эпохах. Он отчетливо показал, что фольклор не может оцениваться по критериям, которые применяются к художественной литературе, в нем существует своя система критериев.

Противопоставление фольклора и литературы содержится и в трудах М. М. Бахтина. Сравнивая героический эпос (жанр фольклора) и роман (жанр литературы), он выявил ряд принципиальных отличий этих жанров даже при воплощении сходного исторического материала.

Еще более крупное достижение М. М. Бахтина — открытие целой культуры — народной смеховой культуры Средневековья и Возрождения. Ее особенность — устный характер. Отсутствие ее фиксации не позволяло раньше обнаружить ее существование. Ученый выявил ее черты, опираясь на роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» — уникальный текст, в котором эта культура отразилась как целая система культурной жизнедеятельности средневекового европейца, в которой есть свои принципы, жанры и т. д.

Однако если М. М. Бахтин подробно охарактеризовал народную культуру (которую он в соответствии с ее характером назвал смеховой, карнавальной), то противостоящую ей культуру он не подверг такому же системному анализу. Он называл культуру, противостоящую народной культуре, официальной, серьезной (опять-таки подчеркивая ее характер в противовес смеховой), культурой верха (в противоположность культуре низа) и т. д. Существенное замечание ученого касается взаимоотношения двух культур: серьезная культура допускала проявления и даже первенство народной смеховой культуры в определенные дни года, связанные с религиозными праздни-

ми. Таким образом, можно говорить о диалоге двух культур средневекового общества, но диалоге в очень необычной форме.

Между тем вторая культура (если считать народную культуру первой) имеет признаки, которые никак не покрываются ни термином «официальная», ни термином «серьезная». Фиксация текстов, сведений, информации на письме, формирование авторства с постепенным утверждением авторского начала в искусстве как основного — это только филологическая характеристика этой культуры. А можно дать и более широкую, общегуманитарную характеристику, в которой займут свое достойное место появление государственных форм управления обществом, кодификация права, возникновение наук и светских искусств, канонизация роли религии и церкви в воспитании и духовном совершенствовании человека, технические развитие, городской уклад жизни, искусство войны, придворная жизнь. Все это воспринимается как единая культура, но терминологически не объединено. Можно дать негативное определение — это то, что не входит в народную культуру (в смысле, разъясненном выше).

Но вместе с тем в названных и подразумеваемых признаках и формах рассматриваемой культуры есть нечто общее, позволяющее дать не только негативное, но и позитивное определение. Все эти признаки и формы имеют отношение к цивилизационным процессам в культуре.

О. Шпенглер в «Закате Европы» резко противопоставил культуру и цивилизацию, связывая с последней завершающую стадию культурного развития, когда культура умирает. Такое решительное противопоставление двух понятий вовсе не обязательно. У М. Маклюэна и Э. Тоффлера другое понимание цивилизации — как определенного (а вовсе не последнего) этапа развития культуры (у Маклюэна — в образе «галактик», у Тоффлера — в образе «волн»).

Мы считаем, что понятия «культура» и «цивилизация» могут успешно объединиться в термине «цивилизационная культура», который мог бы представить как целое

возникающую из недр народной культуры, со временем ей противостоящую культуру образованного общества, культуру государств и городов, университетов и театров, книг и газет, стадионов и телевидения — и всего того, чего нет в народной культуре, но есть в культуре современного человека. Но это не только явление сегодняшнего дня. То же касается и государств Древнего Востока, Античности, Средних веков, Возрождения — и тем более Нового и Новейшего времени.

Взаимоотношения между народной и цивилизационной культурами в разные эпохи было различным. То, что предромантики и романтики на рубеже XVIII–XIX вв. открыли для образованных европейцев народную культуру, свидетельствует: обе культуры уже настолько разделились, что обнаружение одной из них смогло стать выдающимся событием для представителей другой.

Это обнаружение было исторически закономерным. Европа достигла высшей точки в процессе, который было бы уместным назвать «первой глобализацией» Нового и Новейшего времени («вторая глобализация» в этом случае относится к рубежу XIX–XX вв., а «третья глобализация» — к рубежу XX–XXI вв., мы являемся ее свидетелями). «Первая глобализация» отразилась преимущественно в Европе, моделью для цивилизационной культуры европейских (и некоторых внеевропейских) стран стала культура французского двора, шире — французской цивилизации (которая представлена в том числе и энциклопедистами, и деятелями Великой французской революции), закончилась это продвижение французской культуры военными походами Наполеона, насильно объединившего значительную часть Европы.

Романтический протест против глобализации французского образца прозвучал из покоренных Наполеоном стран немецкоязычного пространства (360 государств, входивших в состав Священной Римской империи, Наполеон, упразднив эту империю, объединил в 36 государств), из Англии, которую Наполеон хотел блокировать, из Ита-

лии и Испании, насильно введенных в орбиту французской империи, из России, испытавшей ужасы наполеоновского нашествия. В противовес французской модели культуры, глоболизирующей европейское пространство, романтики ведут усиленные поиски национального своеобразия, обращаясь к народной культуре своих стран. Так, в противовес «первой глобализации» возникает «первая глокализация», если перенести современную терминологию на процессы двухсотлетней давности. Тогда цивилизационная культура романтиков и народная культура европейских стран понадобились друг другу и смогли вступить в диалог. Сходные события произошли через столетие. И на примере русского модерна, творчества братьев Васнецовых, Мусоргского, Римского-Корсакова, Стравинского можно показать «глокализационные» процессы и диалог цивилизационной и народной культур в России рубежа XIX–XX вв.

Диалог двух культур (в основном односторонний за исключением периодов «хождения в народ» интеллигенции, ликвидации безграмотности, с конца XIX века охватившей весь мир) в теоретической форме воплотился в понятии «народность». Идея народности была мощным идеологическим посылом, который породил тезаурусную конструкцию — целую систему представлений об образцах, моделях творчества. Причем народная культура была не единственным источником этих моделей. Она создавала картину мира и художественные формы, которые можно определить как базу «первичной народности». Помимо нее можно выделить формы «вторичной народности» — формы, принадлежащие цивилизационной культуре прошлого, испытавшей воздействие форм народной культуры (что широко представлено у Шекспира и Пушкина, у Чайковского и Гершвина, у многих великих творцов культуры образованного общества). На новые явления поисков национальной культурной идентичности влияют как «первичная», так и не в меньшей, а подчас большей мере «вторичная народность».

Ведется ли диалог народной и цивилизационной культур в настоящее время, в условиях «третьей глобализации»? Материала для выводов пока недостаточно, можно лишь отметить, что масштабы этой глобализации не имели прецедентов, поэтому даже прогноз с опорой на аналогии сделать трудно. Но думается, что народные культуры не будут забыты, ибо они древнее цивилизационных культур и составляют их фундамент. Прав был великий русский композитор М. И. Глинка, когда говорил (как об этом свидетельствовал А. Н. Серов): «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем».

Лит.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990; Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М., 2008; Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008; Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005; Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1972; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 : Гештальт и действительность. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.